

Высшее историческое образование и общественно-политическая ситуация в СССР конце 1950 – начале 1960 гг.

В последней четверти XX в. в исторической науке в России наблюдается сложная ситуация, определяемая историографами как «кризис науки» или напротив «как выход из кризиса», который характеризуется и выбором методологии исследования, и отказом от идеологических стереотипов, и новыми подходами к изучению истории России в целом и отдельных тем (1). Как отмечает А.Н.Сахаров, в последнее время историками разрабатывается множество тем, не исследованных в советское время, или поднимаются вопросы новых подходов к знаковым проблемам – генезис феодализма в России и народные восстания XVII-XVIII вв., роль Петра I, революция 1917 г. и гражданская война, Великая Отечественная война, сталинизм и диссидентство и т.д.

Не менее интересной темой в настоящее время является вопрос о развитии исторического образования в СССР и системы подготовки специалистов-историков, учителей и преподавателей истории. История как никакая другая наука (и учебная дисциплина) в советском обществе была зависима от изменения политической ситуации. Всевозможные политические реформы необходимо было теоретически обосновывать и подтверждать их историческую целесообразность, и специалисты историки должны были отвечать тем требованиям, какие предъявляли идеология и партийное руководство вне зависимости от объективности исследования тех или иных событий, явлений и процессов. Воспитание и обучение историков становилось делом государственной важности. Государственными органами утверждались единые для всех учебных заведений учебные планы и программы, учебники и учебные пособия и т.д.

Овладение методологией исторического материализма, усвоение идеологических постулатов марксизма должно было способствовать формированию учителей и специалистов-исследователей, способных не только объяснять явления исторической действительности и выстраивать историю в рамках формационной парадигмы, но и воспитывать граждан в духе марксизма – ленинизма. В частности Закон СССР «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» (от 19.07.1973 г.) четко определил задачи высших учебных заведений, главными из которых являются не только подготовка высококвалифицированных специалистов, владеющих глубокими теоретическими знаниями и практическими навыками по специальности. Кроме этого выпускники должны владеть марксистско-ленинской теорией, организовывать массово-политическую и воспитательную работу, то есть быть воспитателями и пропагандистами идей партии и правительства (2).

Именно регламентированная во многом система подготовки кадров и их постоянная ротация позволяли советской исторической науке существовать структурно (естественно в рамках марксистской идеологии и методологии), и в определенном смысле динамично развиваться (разработка определенных тем, введение в научный оборот новых источников, выработка методов анализа источников, и т.д.), выполняя отведенную ей четкую идеологическую функцию.

Любое изменение в политике партийно-государственного аппарата (смена власти, изменение на внешнеполитической арене, очередной пятилетний план и т.д.) логично требовало изменения и в структуре, и в содержании системы преподавания исторических дисциплин.

Это четко прослеживается в партийных решениях и в документах министерств, приказах ректоров вузов, решениях ученых советов институтов и в обсуждениях на кафедрах. Например, вторая половина 1950-начало 1960 гг. характеризуется глобальными переменами в стране – в политической и экономической сферах, также значительные изменения происходили и в системе высшей школы и в частности в структуре подготовки специалистов-историков.

XX съезд КПСС и постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» (1956), постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении подготовки, распределения и использования специалистов» (1954), закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (1958), постановление ЦК КПСС и совета министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» (1959), постановление Совета министров СССР «О переводе институтов на пятилетний срок обучения и подготовке учителей широкого профиля» (1956) и другие документы партии и правительства потребовали не только изменения содержания исторических дисциплин, пересмотра оценки исторических событий и роли участников, но и изменения системы преподавания, методов работы в высшей школе, профессионализации исторических курсов, непосредственной связи вузов и школы, совершенствования программ, появления новых учебников и т.д.

В настоящее время исследователи оценивают проведенную реформу среднего и высшего образования конца 1950 – х гг. как поспешную, многочисленные партийно-государственные решения как непродуманные, отмечают волевые методы реализации. Результатом проведенных мероприятий явилось снижение качества знаний студентов, учащихся школ и техникумов, в целом снижение общего научного потенциала (3).

Во время же проведения реформы участники – преподаватели вузов, руководители учебных заведений, в отличие от современных исследователей воспринимали изменения в целом с энтузиазмом. Кроме того, впервые бы-

ла предложена элементарная возможность обсуждения проводимых преобразований.

Первое, что необходимо было сделать – это пересмотреть содержание образования, связанное с определением культа личности. Педагогические коллективы обсуждали эти вопросы на всех уровнях. В частности в решениях Совета Омского государственного педагогического института отмечалась необходимость пересмотреть учебные курсы на основании материалов XX съезда. Для изучения решений съезда были разработаны лекции с обновленным содержанием, пересмотрены вопросы к билетам по курсу «Основы марксизма-ленинизма», а также задания для летней педагогической практики. Как отмечал один из преподавателей-историков «материалы XX съезда требуют перестройки преподавания, мы имеем дело с молодежью, которая с первого по десятый класс воспитывалась в духе культа личности. Перестройка может свестись к тому, чтобы выбросить Сталина, там, где и не нужно». Кроме того, Совет решил оказать помощь базовой школе при изучении истории учащимися 7-10 классов (4). Отвечая на призыв обратить внимание на связь обучения с жизнью в отчете кафедры истории за 1955-1956 гг. отмечено, что необходимо обращать внимание на связь лекционных курсов с задачами школьного преподавания. Кроме того, всем преподавателям рекомендовалось систематически знакомиться с методической литературой (5). И через несколько лет в отчете за 1961 - 62 учебный год заведующий кафедрой отмечает, что профессиональная направленность курсов проявляется в том, что преподаватели в лекциях указывают на то, какое место занимает данная тема в школьном курсе, на что следует обращать внимание и как лучше изучать данный материал в школе. Кроме того, предлагается включение и краеведческого материала (6).

Важной особенностью этого периода является практика предварительного обсуждения проектов разного уровня, и в частности вопросов внедрения новых учебных планов, новых специальностей, новой системы подготовки специалистов широкого профиля и т.д. Окончание 1958 г. было посвящено проблеме перестройки системы обучения в школе и в вузе и развития народного образования в СССР. Коллектив Омского педагогического института выдвинул следующие предложения по перестройке высшего образования: ввести в ОмГПИ четыре специальности – историко-филологическая, физико-математическая, естественно-географическая, иностранных языков. На 1-3 курсах первых трех специальностей готовить учителей широкого профиля (в частности, учителя истории, русского языка и литературы) для восьмилетней школы, на 4-5 курсах вводить специализацию и готовить учителей для 9-11 классов по одной специальности. На первом курсе предлагалась практика по психологии, на втором – по педагогике и в качестве помощника классного руководителя, на третьем курсе – работа в качестве классного руководителя и практика в пионерских лагерях. На четвертом и пятом курсах – комплексная практика в течение одной четвер-

ти. Государственный экзамен по педагогике предлагалось заменить дипломной работой, которую студенты будут защищать после того, как отработают в школе учебный год после окончания теоретического курса. Только после этого они получают звание учителя. Учителей по специальности «основы производства», по мнению омских педагогов, целесообразнее готовить на специальных факультетах сельскохозяйственных и машиностроительных институтов. В связи с необходимостью сочетания работы и обучения предлагалось сроки начала и окончания занятий определить с 1 октября и 31 июля, что определялось погодными условиями Сибири (7).

В 1959 г. в журнале «Вопросы истории» был опубликован новый учебный план, утверждённый Министерством высшего и среднего специального образования СССР по подготовке специалистов широкого профиля. Сохранялся пятилетний срок обучения, предполагалось усиление как общенаучной и специальной, так и практической подготовки студентов-историков. Кроме основных исторических курсов (История СССР, Всеобщая история) были включены курсы истории искусств, историографии истории СССР, источниковедения истории СССР, основы советского права. Кроме этого обязательными для изучения историками оставались такие курсы, как история КПСС, политическая экономия, диалектический и исторический материализм, история философии. В новом учебном плане было представлено значительное расширение практической подготовки учителей истории (сочетание учебы и работы на предприятиях, учреждениях, колхозах, разнообразные практики - учебная и производственная).

Введение подготовки учителей широкого профиля вызывало много вопросов. Самый болезненный – многопредметность учебного плана широкого профиля. Как отмечали преподаватели ОмГПИ, это приводило к снижению качества знаний и повышению удовлетворительных отметок, не смотря на то, что преподаватели ликвидировали параллелизм в программах отдельных курсов (по истории древнего мира, средних веков и эпохи феодализма в России), изменили методику проведения экзаменов. В частности, группа из 2-3 человек отвечала на проблемный вопрос, а затем преподаватель беседовал со студентами по всему курсу, кроме того, были составлены перечни вопросов и намечено, кто на какие будет отвечать и т.д. (8). В целом было признано, что широкий профиль не обеспечивает достаточной специальной подготовки учителей истории.

В целом анализ реальной ситуации в отечественном историческом образовании в разные периоды времени во многом позволит оценить и современную систему подготовки кадров. Кроме того, в системе образования работали живые люди, по-разному реагировавшие на те или иные изменения, реформы, постановления и требования. Оценка происходивших событий, реакция на решения партии, на реформы в образовании преподавателей и студентов, характер взаимоотношений преподавателей и студентов и т.д., так называемая «живая» история каждого конкретного

учебного заведения, реально отраженная в документах (протоколах заседаний кафедр, решениях собраний, протоколах Ученых советов вузов и т.д), позволит обогатить историю жизни общества России в XX в.

1. Сахаров А.Н. О новых подходах к истории России // Вопросы истории. 2002. N 8. С.3-5.
2. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании. Народное образование в СССР. Сборник документов 1917-1973. М., 1974. С.101.
3. Будник Г.А. Политика в области высшего и среднего специального образования в 1956-1961 годах (на материалах советских, партийных и общественных организаций Верхнего Поволжья): Автореф. дис...канд. ист. наук. Иваново, 1992; Исторический опыт партийного руководства высшей школой. Свердловск, 1989; XX съезд КПСС и его исторические реальности. М., 1991.
4. Государственный архив Омской области (далее ГАОО). Ф.1027. Оп.1. Д.126. С.30-31, 32.
5. ГАОО. Ф.1027. Оп.1. Д.127. С.30-31.
6. ГАОО. Ф.1027. Оп.1. Д.189. С.241.
7. ГАОО. Ф.1027. Оп.1. Д.151. С.214-218.
8. ГАОО. Ф.1027. Оп.1. Д.171. С.123, 127.

Зубкова И.А.

Отвечая на вызовы века: современная парадигма школьного исторического образования в Великобритании

Парадигма школьного преподавания истории, сложившаяся в Великобритании на рубеже 1980-х – 1990-х гг., интегрировала в себя целую гамму разнообразных, подчас противоречащих друг другу педагогических подходов, которые, однако, с определенностью свидетельствовали об одном – о возрастающих требованиях общества к интеллектуально-развивающему и воспитательному значению этого предмета. Английские профессора-педагоги Э.К.Рэгг и Дж.Э.Партигтон в своем учебном пособии для директоров школ отмечают, что основная линия разработки и практического применения британской Национальной Образовательной Программы (National Curriculum) по истории фактически формировалась под сильным давлением требований, отстаивавших включение в нее тех или иных проблемно-тематических разделов и ценностных проекций (1).

С одной стороны, внедрение *систематизированного* курса британской истории как основы школьного обучения, несомненно, отражало ориентацию авторов реформы образования 1988 г. – тори – на новую, *неоконсервативную* «индоктринацию» британского общества, которая должна была сочетать культ «позитивных» (в случае истории – конкретно-эмпирических) знаний и возрождение традиционного «британского духа». Первое, по мысли М.Тэтчер и ее сторонников, должно было адаптировать либеральное и потому излишне релятивное мышление британцев к реалиям глобальной информационной эпохи и всепроникающего сциентизма; второе – консолидировать общество вокруг традиционных британских ценностей как основы сохранения Великобританией лидирующих позиций в пронизывающей современный мир всеобъемлющей